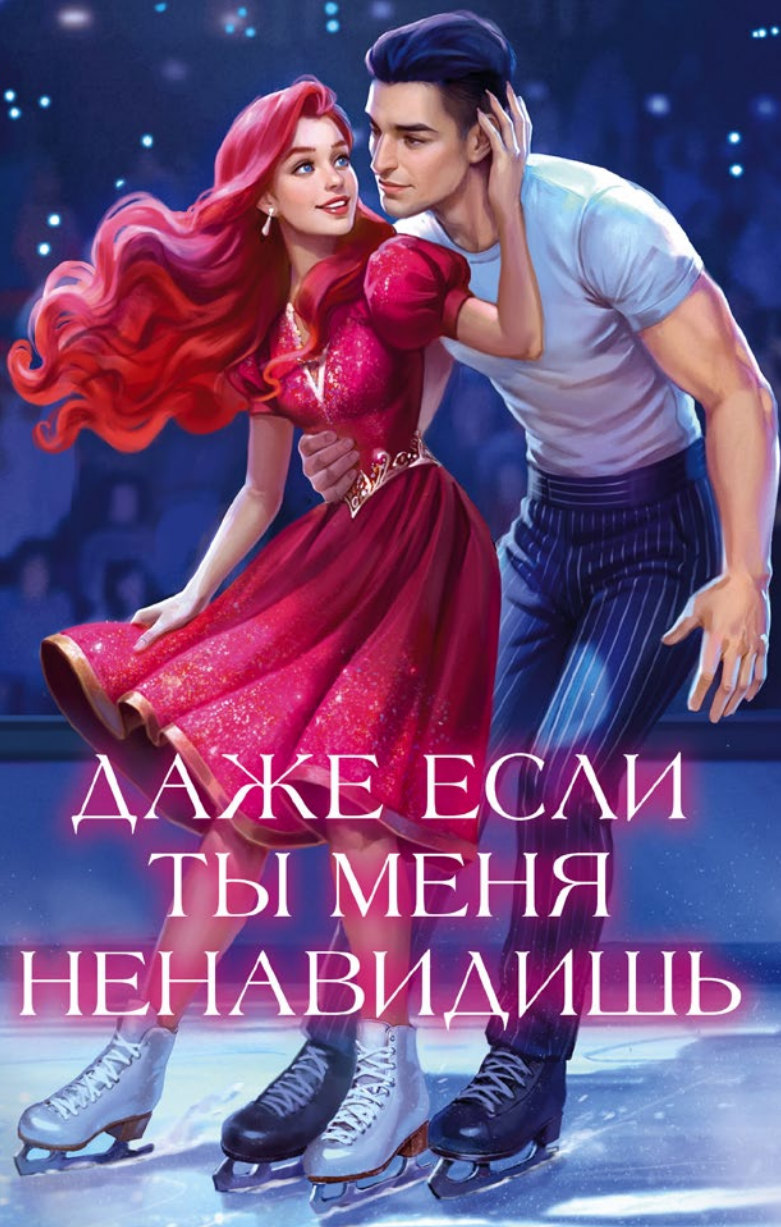

Анна Арро

ДАЖЕ ЕСЛИ
ТЫ МЕНЯ
НЕ НАВИДИШЬ

АГНИЯ АРРО

ДАЖЕ
ЕСЛИ ТЫ МЕНЯ
НЕНАВИДИШЬ

Все события выдуманы.
Все совпадения случайны.

*Ради нее он готов
разрушить мир на атомы...*

ГЛАВА 1

Амалия

— НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ. Ничего не случилось. Ничего не случилось, — раз за разом повторяю себе под нос, сидя на заднем сиденье прямо за нашим водителем и рассматривая собственные ногти. Руки дрожат, а в горле комом застыли слезы. — Ничего не случилось. Первый раз, что ли? Они все придурки.

— Ами, тебе плохо? — спокойно спрашивает дядя Леня.

На самом деле его зовут Леонид Игоревич, и мама терпеть не может, когда я позволяю себе называть этого мужчину дядей, напоминая, что дядя у меня всего один — это ее старший брат, а Леонид Игоревич просто обслуживающий персонал, и не стоит причислять его к родственникам. Но когда мы одни, мужчина тепло мне улыбается, а я позволяю себе вольности в общении с ним.

— День был сложный. Все хорошо, не беспокоиться, — отвечаю ему, но голос хрипнет, а язык норовит прилипнуть к нёбу.

Понятливый дядя Леня протягивает мне бутылочку прохладной воды. С благодарностью приняв ее, я открываю крышку и делаю несколько глотков. Судорожный вдох... Может, вовсе и не узнают дома про проваленную контрольную и порезанный рюкзак, привезенный мамой из Италии всего пару месяцев назад? Новая коллекция какого-то там дизайнера, штучная вещь. Была...

Снова глотаю воду, чтобы не расплакаться. Тогда мать точно заметит, и мне влетит. Я все исправлю. У меня тре-

нировка с шести до девяти сегодня, а потом я сяду, все выучу и обязательно пересдам. Только как это объяснить маме? Она же не станет слушать.

Одна слезинка все же скатывается по щеке. Смахиваю и сжимаюсь в комок, увидев ворота нашего дома, расположенного в элитном поселке Красные Зори. Это как Рублевка, только в нашем тихом городке в паре часов езды от столицы. Идеальное место для элиты, уставшей от шума и пыли. У нас тут красиво. Тишина, хвойная лесопосадка, парк и даже свой пруд с утками.

Из рюкзака опять выпали ручки и уже торчит пара тетрадей вместе с прозрачным пеналом. Позорно сбегая из здания колледжа через пожарный выход, я не успела все аккуратно сложить. Да и что толку, если в рюкзаке такая дырища! Заталкиваю все обратно и прижимаю рюкзак к себе, будто он самое ценное, что у меня есть. Хотя, если вспомнить, сколько он стоит...

— Ничего не случилось, — всхлипываю.

А ворота тем временем плавно двигаются в сторону, открывая вид на выложенную диким камнем парковочную площадку. Мне кажется, что это лишнее, но мама считает иначе, а отцу все равно, он много работает и личную часть времени проводит не с нами в поселке, а в столичной квартире. Сегодня он вроде должен приехать, но меня это не спасет.

Жадно допиваю воду, бросаю бутылку на сиденье и жду, когда дядя Леня откроет мне дверь. Я могла бы сама, но все еще нужно держать рюкзак. Сдув рыжую прядь, давно выбившуюся из косы, шагаю на каменную площадку. Благодарно кивнув водителю, быстро пересекаю эту часть двора и захожу в дом через дверь на кухне. Никого. Вот и отлично. Пробегаю через столовую, уютный коридорчик, ведущий в гостиную, сворачиваю к винтовой лестнице и мчусь на второй этаж в наше с сестрой крыло.

Аделина болеет уже третий день. В ее комнате играет музыка. Я захожу к себе и выдыхаю, прислонившись спиной к двери и уронив проклятый рюкзак под ноги. Из него все тут же выпадает и рассыпается по полу. Кажется, дырка стала еще больше. Присаживаюсь на корточки,

поднимаю его и смотрю, можно ли что-то сделать. Бесполезно. Теперь дорогую лимитированную вещь остается только выбросить. Сердце в груди никак не уймется. Колотится быстрее, чем перед соревнованиями.

Поднимаюсь, но только отхожу от двери, как она распахивается, и в мою комнату без стука вламывается младшая сестра.

— О-фи-геть! — пялится на порванный рюкзак. Коварно улыбается и убегает.

— Адели, нет! Ада, пожалуйста, — бегу за ней.

— Ма-а-ам! — орет этот вредный подросток. — Мама, ну ты где? Ами итальянский рюкзак порвала. Насовсем. Мам!

Мать в юбке-карандаш до колена, блузке и удобных домашних лодочках на небольшом каблучке выходит из кабинета и смотрит на нас, как всегда, чуть свысока.

— Что ты кричишь как рыночная торговка? — строго спрашивает у Аделины. — Тебе врач сказал беречь горло.

— Она рюкзак порвала. — Сестра показывает на меня пальцем.

— Это случайность. — Отпираться и скрывать нет смысла. Мама все равно проверит.

Нахмурив брови и мазнув по мне наигранно равнодушным взглядом, она направляется напрямик в комнату. Только я знаю, что скрывается за этим. Передернув плечами, иду за ней.

— Какой кошмар! — Двумя пальцами она поднимает с пола тряпочку, еще недавно бывшую дорогой, стильной вещью. — То есть это вот, — трясет рюкзаком в воздухе, — твоя благодарность за подарок, который я выбирала специально для тебя? — хлестко швыряет его в меня. — Для своей чемпионки! Для своей гордости! Так ты относишься ко мне?

— Мама, я не специально, — оправдываюсь. — Правда.

Ненавижу это. Ненавижу, когда она кричит на меня, когда отчитывает, не пытаясь разобраться в проблеме, без вопросов и выяснений выставляя меня неблагодарной и виноватой.

— Два балла за контрольную по линейной алгебре ты тоже получила не специально? — Ее голос становится ледяным. Еще немного — и большие окна моей комнаты начнет затягивать зимним узором. И это при том, что на улице весна.

— Я не успела подготовиться, — смотрю ей в глаза, стараясь говорить ровно. — У меня тренировки. Скоро Кубок, мам, — напоминаю ей. — Я живу на льду!

«Только там и живу», — но эта часть мыслей так и остается невысказанной.

— Ты должна успевать все! Глупые отговорки оставь для своих преподавателей. Мне от тебя нужен результат. Мы с отцом с рождения вкладываем в тебя все возможные ресурсы не для того, чтобы ты нас позорила такими низкими результатами. — Делает шаг ко мне, касается подборка, поднимая мое лицо выше. Обманчиво мягко трет щеку пальцем. — Девочка моя, ты лучшая. Ты должна быть лучшей. Не разочаровывай меня...

— Мама, там пожар! — снова кричит Аделина. — Пожар у Калинина! Мам!

Боже, за ее особенно противное «мам!» мне иногда хочется ей хорошенько двинуть.

— Какой ужас! — Мать всплескивает руками и стремительно выходит из моей комнаты.

Дом бизнесмена Калинина, друга нашей семьи, — человека, который с детства был рядом со мной, наверное, даже чаще, чем родной отец, — прямо напротив нашего. Там очень много дерева. Его жена — фанатка натуральных материалов. Накинув тонкий вязаный кардиган, выхожу на улицу, чтобы глянуть, что же там на самом деле происходит. Языки пламени уже охватили стены, крышу и перекинулись на отдельно стоящую сауну. Замечаю движение. Через забор друг за другом перемахивают какие-то парни и бегут врассыпную.

К воротам подъезжают пожарные, разматывают шланги и начинают тушение, перекрикиваясь друг с другом. Жар огня, пожирающего дом, опалает кожу, но я все равно ежусь и кутаюсь в кардиган. Очень нервничаю, поэтому немного знобит. К нам подходят соседи из дома рядом.

Разговаривают с мамой. Охают, подсчитывают убытки. Подъезжает полицейская машина. Вторая гонит выпрыгнувших с территории пожара парней.

Я застываю, увидев, как открывается дверь и прямо к полицейским и пожарным со двора Калинина выходит еще один парень. Очень коротко стриженный. Рукава свободной рубашки цвета хаки, накинута поверх белой футболки, закатаны до локтя. Мощные предплечья забиты татуировками. Рисунки также видны на открытой шее и части груди в вырезе футболки. На нем цепочка с медальоном. Он дерзко улыбается и проходится взглядом по собравшимся зрителям. Всего на секунду задерживается на мне, а затем борзо смотрит прямо на полицейских.

— Не двигаться! Не двигаться, я сказал! — орет один из них, выхватив пистолет. — Руки поднял!

— Че ж ты так надрываешься? Я не ухожу никуда, — заявляет парень.

— Руки поднял, я тебе говорю, — требует полицейский.

— Окей, если тебе так спокойнее, — медленно поднимает он свои татуированные руки.

Мы снова сталкиваемся взглядом всего на секунду. В его наглых глазах расплавленная сталь и застывшая угроза, но он продолжает улыбаться, чем сильно нервнрует полицейских. Ему заламывают руки. Тот, что кричал громче всех, подходит и неожиданно ударяет парня кулаком в лицо, разбивая ему губу. Я покрываюсь мурашками и задерживаю дыхание, увидев кровь. Он ведь крупный, накачанный, мог бы им ответить, но почему-то позволяет тащить себя к машине.

— Животное, — с пренебрежением выплевывает моя мама. Соседи ее поддерживают.

Полицейские не церемонясь заталкивают парня в машину. Он упирается лбом в стекло и пристально смотрит на меня. Дергает правым уголком губ в еще одной борзой улыбке и нагло подмигивает.

— Не смотри на него. Таким место в зверинце, — шипит мать мне в ухо. Разворачивает за плечи и подталкивает в сторону дома.

ГЛАВА 2

Данте

«ОГОНЕК» — ПЕРВОЕ, что приходит в голову при виде яркой девочки с длинными рыжими волосами. Символиченько, особенно с учетом случившегося пожара. Женщина с высокомерно поджатыми губами и медью в собранных в ракушку волосах грубо толкает ее в спину, подгоняя в сторону особняка неприличных размеров. Огонек все же успевает оглянуться. Украдкой улыбается, наверное даже не заметив, как это произошло, а я ловлю мощнейший приступ эйфории прямо в груди, будто меня туда ударило солнце. Веду плечами от крайне необычных ощущений и прилипаю лбом к стеклу.

Пока менты, переговариваясь, рассаживаются в служебной машине, я опять смотрю на девушку или девочку — никак не определяюсь. Забавная она, маленькая, я бы даже сказал, компактная. Глаза красивые. В моей голове по стандарту у рыжей девчонки должны быть зеленые глаза. Классика же! А у этой светлые. То ли серые, то ли в голубизну уходят. Мне из тачки не разглядеть.

Секунда, две, три — и Огонек скрывается за высоким забором, а меня везут в отделение, довольные тем, что удалось мне врезаться. Я только усмехаюсь, закатывая глаза и думая, какие же они идиоты. Выводят из машины. Под конвоем ведут в трехэтажное здание. В коридоре воняет краской и сильно не хватает света. Мрак, темнота...

Придурки в погонах подталкивают меня вперед. Спотыкаюсь об открытую банку с краской. Я ее видел, но создать им тут лишний геморрой — отдельное удовольствие. По бетонному полу растекается жирная зеленая лужа.

— Слепошарый! — вновь пихает меня в спину самый бесстрашный из них.

Резко разворачиваюсь и бью его лбом чуть выше переносицы. Мент глухо стонет и теряется. На меня набрасываются еще двое в попытке скрутить, пока их умный коллега приходит в себя, стирая капающую из носа кровь.

— Да не лапайте вы меня, я не сопротивляюсь! — огрызаюсь на них.

— Ты за это ответишь, выродок! — зло шипит травмированный.

— Что у вас тут... Оу, нехило. — К нам выходит начальник этих бедолаг. — Голиков, умойся сходи, смотреть страшно. Этого сразу ко мне, — кивает на меня.

Входим в его кабинет. Взмахом руки мне указывают на стул.

— Наручники с этого чудовища снимите, — приказывает подполковник.

— Вы уверены, товарищ подполковник? Он же неадекватный! — подает голос один из его людей.

— Данте, ты же не совсем отбитый, чтобы накручивать себе срок? Одно нападение на сотрудника у тебя уже есть. За меня больше дадут.

— Он сам нарвался. — Выдаю каменное выражение лица и кручу головой вправо-влево, разминая шею до хруста в позвонках. — Если что, я могу встречу накатать, — намекаю на свою разбитую губу.

— Будем считать, что по этой части мы с тобой договорились. Снимай браслеты, — командует своему.

За спиной раздается щелчок, шаги, затем мы остаемся один на один с подполковником Рагозиным.

— Итак, Даниил Валерьевич Тимирязев, — растягивая слова, мент лениво бросает на стол мое личное дело. — Третий раз у нас за последние два месяца.

— Скучаю... — скажусь разбитыми губами.

— Я так и понял, — хмыкает он. — Поэтому каждый раз повод посетить нас становится все интереснее и интереснее. Хулиганство, драка, теперь вот поджог.

— Ложь чистой воды и фантазии твоих оперов, — улыбаюсь шире.

— Тебя взяли на месте пожара. А твои дружки сбежали.

Довольный такой, аж бесит!

— Кстати, а ты чего с ними не рванул? — интересуется Рагозин.

— А смысл? — пожимаю плечами, лениво сползая по спинке стула в расслабленную позу. И теперь, приятно скрипнув зубами, бесится подпол. — Я ни в чем не виноват. Докажешь обратное? — с вызовом смотрю ему в глаза.

Мужика аж передергивает всего. Взгляд тяжелеет, челюсть напрягается, и рука, лежащая поверх моей папки, сжимается в кулак.

— Слышь, ты! — взвинчивается он. — Борзота! — лупит кулаком по столу. — Вы влезли в частное домовладение. Это уже статья!

Закатываю глаза. Тоже мне напугал! А то я не знаю, как это решается.

— Если это все, что ты можешь мне предъявить, товарищ подполковник, то я пойду. Меня дома заждались.

— Не так быстро, Тимирязев. Придется тебе у нас еще задержаться. Сейчас приедет хозяин дома с адвокатом. Напишет заявление.

— Мне ему ручку подержать? — ухмыляюсь.

— Лейтенант! — рывкает Рагозин. — Забери его в камеру! Пока я ему еще пару узоров на рожу не добавил. Гаденыш! Ничего не боится!

— Боятся, товарищ подполковник, те, кому есть что терять. — Поднимаюсь, пока лейтенант опять не начал меня лапать.

— Свобода? — хмыкает он.

— Я вот здесь, — делаю из пальцев пистолет и прижимаю к своему виску, — всегда свободен.

— Ничего. Посмотрим, как ты заговоришь, когда Калинин приедет, — предельно внимательно смотрит на все еще закрытую папку с моим делом.

Да, день пошел через задницу с самого начала! И сидеть мне здесь долго нельзя, у меня вечером бой в «Клетке». Туда еще надо добраться. Ставки собраны, бабки никто клиентам не возвращает. Надо отработать.

Откинувшись затылком в стену, сижу в камере и прикидываю, как выпутываться из дерьма, в которое вляпался. Вытаскивать меня некому. Я давно уже сам по себе. Лет с десяти меня воспитывали улица и тренер. И если во мне осталось что-то человеческое, то это только его заслуга. Но каждый раз, выходя на ринг, я начинаю сомневаться, что оно там осталось...

— На выход! — Раздражающее эхо бьет прямо по мозгам.

Поднимаюсь, выхожу из своей клетки.

— Молись, Данте. Там Калинин приехал, — шипит мне в затылок осмелевший лейтенант.

Прохожу все по тому же коридору. Пара стажеров вместе с уборщицей оттирают разлитую мной краску. Криво ухмыльнувшись, вхожу в кабинет Рагозина. На входе меня тормозит охрана пострадавшего от пожара бизнесмена. Снова лапают. Да чтоб вас!

— Р-р-руки, — рычу, скалясь на мужика в кожаной куртке. — Еще раз тронешь меня — сломаю, — обещаю ему.

Не верит, пытаюсь залезть в карманы свободных штанов. Перехватываю в болевой, выворачиваю, ставлю на колено. Все в кабинете подрываются со своих мест.

— Сказал же, сломаю! — Давлю сильнее, останавливая за мгновение до перелома.

Второй охранник реагирует слишком медленно. На нашем ринге его бы уже убили. Мужик в дорогом костюме поднимает руку, останавливая своего человека. С интересом смотрит на меня.

— Ломай, обещал же, — говорит он.

— Игорь Саныч... — хрипит охранник.

Но «Игорь Саныч» смотрит исключительно на меня. Рагозин нервничает, жестами пытается показать мне, чтобы я отпустил охранника бизнесмена. Нет уж, я так не играю. Свое слово надо держать. И довожу прием до конца. Взвывший от боли мужик в кожанке перестает быть интересным.

— Вышли все, — указывает на дверь «Игорь Саныч». — И этого уберите. Уволен за несоответствие за-

нимаемой должности, — взмахом руки указывает на поломанного мужика.

— Игорь Александрович, — отмирает подполковник.

— Дайте нам пять минут на разговор, — перебивает его Калинин. — Наедине.

Мне уже нравится этот «костюм». Похоже, у меня есть шанс попасть сегодня на бой.

— Почему Данте? — спрашивает Игорь Александрович, как только мы остаемся вдвоем.

— Потому что, — без страха смотрю ему в глаза.

— Я так и подумал, — хмыкает, указывая мне на стул. — Садись, поговорим, — устраивается в кресле подполковника. — Спрашивать, что ты делал в моем доме и кто его поджег, бесполезно? — уточняет он.

— Не я, — складываю руки на груди.

— Кто бы сомневался. Но я же все равно узнаю.

Вскидываю руки, мол, твое право, мне плевать.

— Мое время стоит слишком дорого, чтобы просиживать его в этом убогом месте. Давай сразу к делу. Ты сядешь за проникновение со всеми вытекающими. Взлом, что-то там наверняка пропало...

— Там все сгорело, — напоминаю ему. Ржет. — Или?

— Или ты пишешь мне расписку о том, что должен, — задумчиво стучит ручкой подполковника по столу, — скажем, пятьдесят миллионов. И принимаешь активное участие в восстановлении дома. Разумеется, в свободное от учебы время, или что там у тебя. Заодно присмотришь за рабочими. Знаешь, что-то вроде сторожевой овчарки. Бабки будешь отдавать каждый месяц равными суммами, если на стройке не будет проблем...

— Например? — грубо перебиваю его.

— Например, если больше ничего не сгорит. Я подумаю об амнистии. И возможно, сделаю тебе интересное предложение.

— От которого я не смогу отказаться?

— Уверен, мы договоримся. Триста штук в месяц потянешь? Пятьсот? — прощупывает меня.

— А если нет? — отвечаю ему тем же.

— Мы вернемся к первому варианту. Ты сядешь, Данте.

— Двести, — торгуюсь.

Калинин снова смеется. Находит лист бумаги, толкает его ко мне по столу, сверху кладет синюю шариковую ручку.

Странный тип. Мне его внезапный приступ благородства не очень понятен. В целом эта история с пожаром кажется все более загадочной от начала и до этой самой точки. Калинин не выглядит глупым, а значит, наверняка понимает, что деньги с меня тянуть такими темпами будет очень и очень долго. Это, конечно, лучше, чем ничего, и меня просто посадят, но вопросов от этого не меньше. Это Игорь Саныч кому-то так не угодил, а я попал под каток? Или все же подставили меня? В любом случае его предложение для меня выгоднее, чем несколько лет за решеткой, а дальше, как говорится, разберемся в процессе.

— Триста. Пиши: «Я, Тимирязев Даниил...» — и кто ты там по отчеству? — заглядывает в папку с моим делом. — Пиши-пиши, парень. И пойдем уже отсюда. У меня дел невпроворот.

ГЛАВА 3

Амалия

НА УЛИЦЕ все еще сильно пахнет гарью. Она оседает на языке неприятной горечью. В воздухе летают черные хлопья останков некогда красивого дома, наполненного приятным запахом дерева. Они прилипают к моей белой блузке. Аккуратно сдуваю, но маленький черный мазок все же остается.

Переодеваться уже некогда. Я после тренировки до трех часов ночи зубрила эту дурацкую алгебру, чтобы сегодня пересдать контрольную. Проспала, но мать все равно заставила сесть за стол и позавтракать. У меня режим. Она следит за тем, что я ем, сколько и когда. Поэтому сейчас остается сесть в машину и поехать на учебу.

Дядя Леня тушит сигарету, улыбается мне и открывает заднюю дверь.

— Доброе утро, Ами! — Вынимает из кармана карамельку и вкладывает мне в ладонь, как маленькой.

— Спасибо. — Закусив губу, сжимаю конфету в кулаке.

От одной точно ничего не будет, но внутренняя тревога становится препятствием для нарушения правил. Прячу карамельку в карман другого рюкзака, пока целого, и застываю взглядом на знакомом с детства пейзаже. У меня есть несколько минут, чтобы настроиться на этот день.

У колледжа обычная утренняя суета. На крыльце смеются девочки из нашей группы, курят парни, тискаются какие-то парочки. Я учусь здесь, потому что недобрала баллов для поступления в университет по той же дурацкой математике во время ЕГЭ. Мне легко даются гума-